

УДК 94(470+571)''19''+32.001(470+571)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ СЕРЕДИНЫ XIX В.

К. И. Шнейдер

Предпринимается попытка реконструкции политического словаря раннего русского либерализма. Автор стремится выявить политические доминанты в отечественном либеральном поле производства идей середины XIX в. Особое внимание уделено изучению методик адаптации классического либерального наследия в политическом пространстве России накануне и в период Великих реформ.

Ключевые слова: ранний русский либерализм, политические идеалы, монархия, революция, демократия, свобода.

Амплитуда историографических мнений по поводу начальной истории русского либерализма удивляет своей шириной и разнообразием. «Либеральный поворот» в отечественной академической среде 1990-х гг., наполненный бурными тематическими дискуссиями, не только не прояснил ситуацию, но и окончательно разделил экспертное сообщество в вопросе о происхождении и особенностях национальной либеральной традиции. Поэтому современному специалисту, рискнувшему заняться изучением ранней российской либеральной истории, неизбежно приходится вступать на «минное поле» научного противостояния различных групп оппонентов [Китаев, 2004; Приленский, 1995; Шелохаев, 1998, с. 26–41; Шелохаев, 2007, с. 3–16; Шнейдер, 2009, с. 234–242; Шнейдер, 2010, с. 177–187].

Одним из наиболее перспективных является мнение о формировании отечественного либерализма в середине XIX в. усилиями К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина, которым удачно ассистировали П. В. Анненков, И. К. Бабст, В. П. Боткин, А. В. Дружинин и Е. Ф. Корш. Они представляли весьма неоднородную по своим взглядам либеральную среду и сами нередко оказывались на противоположных позициях при обсуждении базовых проблем либерального мировосприятия. Более того, специалисты традиционно выделяют «народническое» и «охранительное» направления в раннем русском либерализме, связанные соответственно с именами Кавелина и Чичерина.

Вместе с тем представляется не только возможным, но и научно привлекательным говорить о целостном интеллектуальном феномене раннего либерализма в общественной мысли России середины XIX столетия. В его основе – концепция «охранительного либерализма» Чичерина, дополненная многочисленными мировоззренческими размышлениями остальных создателей раннелиберального дискурса. Внутренняя противоречивость данной конструкции не может служить основанием для категорических выводов и, скорее всего, нуждается в профессиональном объяснении при помощи нетривиальных методологических схем.

В частности, следует обратить внимание на теорию социального поля П. Бурдьё [Бурдьё, 2005], согласно которой сфера производства идей есть пространство конкурентной борьбы за обладание символическим капиталом аутентичного знания, позволяющего навязывать его другим участникам состязания и обществу в целом. Таким образом, либеральную среду в России середины XIX в. необходимо рассматривать как сегмент поля производства идей с разнообразным набором конкурировавших между собой дискурсивных практик, персонифицированных в фигурах ведущих либеральных мыслителей.

Политическая аксиология являлась одной из наиболее востребованных тем в раннем русском либерализме, откуда черпался материал для рассуждений в жанре исторической ретроспективы и футурологии. Отечественные либералы постоянно обращались к национальному и европейскому прошлому в поисках адекватных ответов на вопросы о ближайшем будущем самодержавного режима в стране, особенно в канун Великих реформ. Кроме того, сама историческая наука в XIX столетии играла роль «наставницы жизни», дидактически внушая и «отгадывая» потаенный смысл тех или иных политических событий в жизни различных народов и выдвигая на авансцену научного знания ценности политосферы.

Политическая культура раннего русского либерализма опиралась на ряд идеально-

типических постулатов, разработанных Кавелиным и Чичериным. В первую очередь следует говорить об этатизме как о «философском камне» всей их политической программы, окрашенной в монархические тона. Либералы воспринимали государство в качестве зримого результата успешного исторического развития общества, сумевшего подняться на совершенно новый уровень своего существования. По мнению Чичерина, «государство – живое единство народа; граждане – живые члены единого целого, единого духовного и свободного организма, который связывает между собой не только существующих в данное время людей, но и давнопрошедшие поколения с настоящими и будущими» [Чичерин, 1861, с. 8].

Не удивительно, что в лексиконе ранних русских либералов часто встречается понятие «власть» в значении главной организующей силы в обществе, обеспечивавшей ему возможность бытия. Чичерин был убежден, что обширное государство неизбежно нуждается в более сильной власти, так как в нем «общественные элементы разнообразнее, разрозненнее, имеют между собой менее тесную связь и потому требуют большего внешнего скрепления» [Чичерин, 1862, с. 165]. Кроме того, в своей аргументации в пользу централизации он обращал внимание на традиционную для больших государств незрелость социальной структуры и системы образования, отсутствие личной инициативы и успехов в практической деятельности. Наконец, сила власти особенно востребована в переходную эпоху с ее неустойчивой динамикой общественного развития. Все это в полной мере относилось к России середины XIX в.

Позиция Чичерина, наиболее последовательного защитника верховной власти в либеральной среде, отличалась концептуальностью, лишенной вульгарного догматизма, свойственного многим современным ему консервативным мыслителям. В частности, он различал государство и общество, наделяя первое функциями защиты интересов социума в целом и оставляя значительный простор для развития свободы в рамках частных союзов вплоть до каждой личности. Чичерин использовал понятие «гражданское общество» и противопоставлял его политическому, в котором свобода и личные интересы граждан подчиняются исключительно власти и закону. Вместе с тем он подчеркивал равную значимость обеих составляющих «народного союза» и не мыслил без них полноценной человеческой истории.

Некоторые разногласия в либеральной среде по вопросу о роли государства носили скорее тактический характер и не ставили под сомнение сам факт государственного участия в решении стратегических проблем, особенно в условиях российской действительности кануна Великих реформ. Все либералы одинаково понимали нюансы и особенности исторического пути развития России, в котором для них соединились огромные территории, скудость народонаселения, трудности диалога с Европой, открытость азиатскому влиянию.

В 1857–1858 гг. на страницах периодической печати состоялась, пожалуй, самая известная дискуссия в либеральной среде на тему о преимуществах и недостатках централизации в обществе. Тогда Чичерин, поддержанный Коршем, выступил апологетом усиления государственного регулирования, а Кавелин согласился с мнением М. Н. Каткова, известного англомана и редактора популярного журнала «Русский вестник», о вредных последствиях такой политики. Однако нет серьезных оснований считать этот локальный диспут проявлением кардинальных различий между главными действующими лицами в отечественном либерализме середины XIX в.

Что касается Каткова, то хорошо известна скоротечная по времени и радикальная по содержанию эволюция его взглядов в консервативном направлении в начале 1860-х гг., а Кавелин, скорее всего, искренне переживал период увлечения обаятельной эпохой либерализации первых лет царствования императора Александра II. С другой стороны, не исключено, что реакция Кавелина на централизаторские «перегибы» молодого Чичерина объяснялась усилившейся конкуренцией в либеральном сегменте поля производства идей. Вместе с тем подобные столкновения все же дают повод исследователям настаивать на неоднородности и вариативности раннего русского либерализма уже на стадии его формирования.

Политическая программа отечественных либералов середины XIX в. включала в себя выбор наиболее подходящей для России формы правления и базовых характеристик предполагаемого режима. Все были согласны с авторитетным мнением, высказанным еще Грановским: «Монархическое начало лежит в основании всех великих явлений русской истории; оно есть корень, из которого выросла наша государственная жизнь, наше политическое значение в Европе» [Грановский, 1905, с. 358].

Монархизм, закономерно игравший в раннелиберальном дискурсе цементирующую роль, традиционно вызывал критику как в период генезиса русской либеральной традиции, так и в современном академическом сообществе, часто не признающем за «истинным» либералом право на апологетику верховной власти. Однако заявленная позиция либеральных мыслителей требует неформальной интерпретации. Даже Чичерин, «главный адепт» монархического режима в «либеральном семействе», порой был резок и бескомпромиссен: объявить себя консерватором «значит – что у нас нет будущего, значит отрицать всякую возможность развития; значит оскотинить себя добровольно. И на такую систему обрекло Россию правительство, заботящееся не о благе народном, а единственно о поддержании своего неограниченного самовластия» [Чичерин, 1906, с. 130].

«Раннего» Чичерина возмущали цинизм и косность российского самодержавия, с которыми оно проводило бездарную внутреннюю политику, жестко подавляя любое проявление несогласия или недовольства. «Возражения считаются дерзостью, и к престолу допускаются только лица, безмолвствующие пред Высочайшею особою. Нет гадости, нет нелепости, которая бы не совершилась у нас пред глазами, которая бы даже не вошла в разряд явлений самых обыкновенных», – откровенно писал Чичерин [Там же, с. 131]. Этот приговор основоположник отечественного либерализма вынес режиму императора Николая I, завершившему свое существование печально известным «мрачным семилетием». Но тем больше надежд породила в нем эпоха нового царствования, с ее многообещающими реформаторскими импульсами.

Стоит отметить, что монархические предпочтения Чичерина означали отрицание идеи неограниченной власти, способной лишь уничтожить необходимые в обществе сдержки и противовесы и смертельно опасной для социальных гарантий и баланса сил. Он воспринимал этот вариант развития событий как неприемлемый и катастрофический наряду с тотальным господством демократии и чистой аристократии. В монархической системе он видел разумную преграду на пути к потенциальному доминированию крайних политических течений в социуме, в частности, в современных ему российских условиях. Да и собственные централизаторские интенции Чичерин объяснял единственно стремлением к четкому распределению государственных дел между определенными законами властями. Он утверждал, что в администрации словом «централизация» «означается подчинение местных властей центральному правительству, восхождение дел из отдельных областей в верховные учреждения, установленные для всего государства» [Чичерин, 1858б, с. 204]. Кроме того, Чичерин настаивал на важности благоприятных социальных последствий политики централизации, непременным условием которой является стремление власти к достижению общественной пользы благодаря смелым инициативным мерам, способным повести народ по пути улучшений и прогресса. Таким образом, в данном вопросе, по мнению известного либерального мыслителя, дело «не в большей или меньшей свободе и не в устройстве верховной власти, а в способе управления общественными интересами» [Там же, с. 271]. Чичерин выступал в своеобразной роли опытного эксперта-политолога в области институционализации любого социального порядка как непременной составляющей эффективной работы всего государственного аппарата.

Монархический идеал ранних русских либералов наполнен прогрессистским содержанием и рационалистической верой в почти безграничные возможности самообновления самодержавия. Ярким примером этого может служить их очарование итогами петровской модернизации и личностью первого российского императора. Можно вспомнить пронзительные слова Грановского о портрете Петра Великого в одном из его писем: «...но пред этим портретом я готов бы стоять целые дни. Я отдал бы за него половину моей библиотеки, любимые книги мои. Я едва не зарыдал, глядя на это божественно прекрасное лицо. Спокойную красоту верхней части нельзя описать; только великая, бесконечно благородная и святая мысль может наложить на чело печать такого спокойствия. Но губы сжаты скорбью и гневом. Они как будто дрожат еще. Они еще причастны тревогам и волнениям жизни. Что за человек был этот Петр» [Грановский, 1897, с. 437].

Впоследствии Петровская эпоха стала частью «исследовательской мастерской», где ранние русские либералы упражнялись в искусстве социального конструирования реальности. Кавелин и Чичерин так же, как другие либеральные мыслители, знали о характере тех средств, с помощью которых Петр I преобразовал Московию. Однако во главу угла они поставили результаты первой волны европеизации России, достигнутые сверхусилиями верховной власти и народа. Либералы не видели иных рецептов цивилизационного прорыва страны в условиях тотального господства национальной архаики, поэтому, обращаясь к отечественной истории, ранние русские либералы на-

чина с Петровских времен создавали идеальный образ «истинного монарха», способного по доброй воле укоренить западные просвещенческие ценности в Российском государстве.

Недавнее национальное прошлое вселяло определенный оптимизм в проекты либералов, так как вторая волна европеизации России, в Екатерининский период, значительно изменила облик верховной власти и утвердила новые стандарты государственной внутренней политики, постепенно освобождаясь от негативных черт прежней мобилизационной системы, несмотря на неоднозначность оценок Николаевского времени. Многие просвещенные умы связывали многообещающие авансы на ближайшую историческую перспективу с императором Александром II, нуждавшимся в расширении общественной поддержки. «Кто знает Россию, кто понимает ее великое призвание, тот не сомневается, что ей, прежде всего, необходимы мирные успехи, которые, впрочем, не только у нас, но и везде вернее и прочнее развития сомнительным и тяжким путем переворотов и смертельных опытов; а несомненный залог мирных успехов в России есть твердая вера народа в царя», – считал Кавелин [Кавелин, 1898б, с. 54].

«Монархическая формула» в программе раннего русского либерализма включала в себя идею «воспитания» просвещенной самодержавной власти, стремящейся к постепенному ограничению своих полномочий посредством взвешенной и ответственной законотворческой работы с обязательным утверждением авторитета права. Либералы рассчитывали на то, что отечественная история с Екатерининских времен до середины XIX столетия успешно «поработала» над созданием всех необходимых условий для воплощения этой идеальной рационалистической модели в России. Оставалось лишь поддержать усилия «истинного» монарха и не «спугнуть» его намерений какими-либо неосторожными заявлениями и действиями. В противном случае либералы всерьез опасались непрогнозируемых социальных последствий.

Таким образом, монархизм в раннем русском либерализме являлся не столько частью мировоззрения, традиционного для консервативного мыслителя, сколько важным инструментом для наладки и «правильного» функционирования всего политического механизма в специфических национальных условиях. Либералы высказывали идею креативных возможностей просвещенной российской власти и отвергали пугающий образ неповоротливого самодержавного левиафана, который у них ассоциировался с неминуемой гибелью государства. Наконец, собственно антимонархизм в России в середине XIX в., когда демократия и анархия зачастую выступали как синонимичные понятия, маркировал принадлежность скорее к радикальному направлению, чем к либеральному.

Апология монархического режима напрямую связана с другой идеально-типической константой в политической конструкции раннего русского либерализма – неприятием демократии, что требует от исследователя не резких и однозначных выводов, но терпения и профессионализма в объяснении еще одной теоретической особенности первоначального либерального проекта. «В основании всякой демократии лежит владычество бедных над богатыми; при возбуждении страстей оно может повести к самому страшному деспотизму, к грабительству, к междуусобицам, к полному общественному расстройству», – утверждал Чичерин [Чичерин, 1899, с. 108–109].

Отечественные либералы середины XIX столетия весьма скептически относились к правоспособности неимущего большинства в сравнении с образованным и обеспеченным меньшинством. Этот формальный элитизм основателей русского либерализма детерминировался телеологией правового центризма. Они стремились превратить всю национальную систему государственного управления в территорию тотального господства права. Поэтому естественно возникал вопрос об издержках и негативных последствиях «демократического поворота» в России в условиях колоссального социального разрыва между «властью» и «землей», между отсутствием повседневной политической жизни с ее партийными и общественными институтами и опасностью распространения радикальных практик. Сравнивая монархический и республиканский режимы, ранние русские либералы указывали на то, что лишь в первом случае есть независимое лицо, ограждающее интересы меньшинства и государства от опрометчивых решений большинства.

Демократическое устройство политической системы либералы рассматривали лишь в качестве ориентира в длительной перспективе исторического развития России. В первую очередь, по их мнению, следовало сосредоточиться на утверждении правовых основ в обществе с неразвитой политической культурой. По этому поводу Кавелин недвусмысленно заявлял: «Преобразования, вводящие прочный, разумный и законный порядок в стране взамен произвола и хаоса, по самому существу дела должны предшествовать политическим гарантиям, ибо готовят и воспитывают

народ к политическому представительству. Там, где у нас царствует глубокое невежество, гражданское и политическое растрепанье, где честность и справедливость – слова без смысла, где не существует первых зачатков правильной, общественной жизни, даже нет элементарных понятий о правильных гражданских отношениях, там прежде представительного правления и установления палат нужны законодательные реформы; там общество должно сперва переродиться, чтобы политические гарантии не обратились в театральные декорации, в намалеванные кулисы, ничего не значащие, ничего не стоящие» [Кавелин, 1898а, с. 137–138].

Идею серьезной предварительной работы в обществе по распространению и укоренению правовой культуры самым активным образом поддерживал Чичерин. Например, он обращал внимание своих союзников и оппонентов на необходимость пропагандировать и развивать традицию подчинения не только так называемым «хорошим» законам, имеющим очевидную социальную базу, но и «плохим», которые, несмотря на свою непопулярность, сохраняют статус обязательного для исполнения законодательного акта. Поспешная демократизация политической системы в России, по мнению Чичерина, приведет лишь к самым разрушительным для государства и общества итогам. В частности, это касалось перспективы утверждения представительных начал в отечественной государственной системе в обозримом будущем. Чичерин видел в них одновременно и выражение свободы, и орган власти, а также механизм возведения свободы на государственный уровень. Такое дуалистическое восприятие сущности представительства неизбежно предполагало продолжительную подготовительную работу социума для ее реализации. Примером тому служила Британия, которую все ранние русские либералы ставили на передний план цивилизационного развития. Тот же Чичерин испытывал восторженные чувства по отношению к знаменитому английскому парламенту и эмоционально делился своими личными впечатлениями.

Однако даже в идеальном варианте, когда структуры представительства уже являются органичной частью многопартийной политической системы, государство, по мнению либералов, все же нуждается в монархическом камертоне, позволяющем улавливать любые нарушения баланса сил. Вместе с тем на фоне, казалось бы, вполне объяснимых либеральных страхов по поводу рискованных экспериментов с представительством в абсолютно неподготовленном пространстве российской политической культуры, никто из них в принципе не отвергал перспективы появления новых властных институций в стране. Поэтому ранние русские либералы уделяли много внимания разработке не только общетеоретических основ системы представительства, но и прежде всего ее будущего национального варианта. Чичерин выделял в этой системе два базовых уровня: центральный и местный. Он подчеркивал, что выборное собрание общегосударственного масштаба «по самому своему характеру должно быть независимо от правительства, и если ему предоставляются известные права, то оно тем самым является причастником верховной власти. Дела, входящие в его ведомство, не могут быть решены без его согласия, следовательно, воля его является уже не подчиненной, а верховной» [Чичерин, 1899, с. 22].

Чичерин отдавал себе отчет в радикальных последствиях введения общего представительства в самодержавной России, в неизбежном изменении всей конфигурации верховной власти и разрушении ее былой целостности. Такой политический риск для российского общества он считал абсолютно необоснованными и чреватými непредсказуемым сценарием развития событий. Тем более, что само учреждение представительного собрания Чичерин рассматривал как наименее удачный путь к созданию совершенно нового отечественного законодательства и принципиальному улучшению качества государственного регулирования.

Другое дело – уровень местного самоуправления, где, по мысли Кавелина и Чичерина, представительство не только желательно, но и необходимо. Во-первых, оно не меняло коренных основ существовавшего политического режима и, следовательно, не являлось деструктивной общественной силой. «Собрания призываются к обсуждению местных интересов, а не общих, государственных. Над областным управлением возвышается верховная власть, которая контролирует его действия, является над ним высшим судьей, дает и отнимает права», – рассуждал Чичерин [Там же, с. 19–20]. Во-вторых, устройство системы местного представительства с географически и функционально ограниченной властной компетенцией придавало дополнительный импульс усилиям центра в разрешении проблем локального повседневного проживания людей. Таким образом, Чичерин четко разделял местное представительство с его административными функциями и общегосударственное, с политическими прерогативами.

Об этом же немало размышлял Кавелин, убежденный сторонник ускоренного политического развития провинциальной среды, без которого невозможно было бы всерьез рассчитывать на успехи в укреплении гражданской свободы на огромных пространствах Российской империи. В частности, пытаясь отыскать реальные средства для преодоления очевидных недостатков в национальном государственном управлении, он утверждал, что их устранение возможно, если только «все дела местного интереса и управления, не имеющие общей государственной важности, или даже не касающиеся в одно и то же время нескольких местностей, предоставить окончательному решению местных учреждений; для этого сословные дела вверить заведыванию выборных из самих сословий, а общие земские дела – учреждениям, образованным частью из чиновников, частью из выборных, но не безгласных, как теперь, а поставленных в совершенно независимое положение от исполнительных властей; затем, для устранения злоупотреблений, обыкновенных спутников секретного делопроизводства, административного произвола, безответственности и безнаказанности, подчинить местное управление, в некоторой мере, контролю публичности и гласности, и суду, совершенно независимому от административных учреждений» [Кавелин, 1898б, с. 69–70].

Важную роль в политическом переустройстве на местах ранние русские либералы отводили гласному суду и общественному мнению. Они защищали принцип несменяемости судей, уповали на их высокие нравственные и профессиональные качества, что редко встречалось в российском обществе середины XIX столетия, а также предлагали суд присяжных, повышавший шансы подсудимых на справедливое решение. Особые надежды либералы связывали с распространением публичного и гласного судопроизводства в противовес многочисленным злоупотреблениям в отечественной судебной системе.

Но и в решении этих вопросов либеральные мыслители не собирались отказываться от вмешательства государства. Например, Чичерин не представлял себе судопростройство в России без процедуры назначения судей правительством, так как они обязаны иметь специальное образование и служить примером беспристрастности, что несовместимо с выборным началом. «Специалиста может избирать только специалист, знакомый с делом, а не масса людей, которые о специальных знаниях судить не в состоянии. Что же касается до беспристрастия, то первое для этого условие – независимость судьи от тяжущихся и подсудимых, и вообще от всяких местных влияний. Судья должен быть посторонний человек, не имеющий никакой связи с подлежащими его суду. Это невозможно при выборе, который, по существу своему, предполагает зависимость от избирателей и пристрастие к ним», – считал профессиональный правовед Чичерин [Чичерин, 1862в, с. 117]. Более того, и в основу механизма определения персонального состава суда присяжных он предлагал положить не выбор, а жребий в силу все тех же опасений по поводу ангажированности избранных. Институциональную деятельность присяжных Чичерин ограничивал сферой уголовного права, всерьез сомневаясь в целесообразности и полезности их использования в области гражданского судопроизводства.

Таким образом, с одной стороны, ранние русские либералы придавали делу обустройства судебной системы едва ли не первенствующее значение, полагая, что от этого во многом зависела дальнейшая судьба целого государства. В их представлении новый компетентный, независимый суд смог бы не только создать и укрепить правовые основы любых последующих реформ в России, но и изменить природу самодержавной власти, реализовав известный просвещенческий политический идеал «законного правления». К этому следует добавить стремление отечественных либералов к утверждению традиции публичного судопроизводства, так как «в том состоянии правосудия, какое мы видим в России, публичность суда для нас якорь спасения» [Чичерин, 1862а, с. 241].

С другой стороны, тема реформы судебной системы в очередной раз заставляет убедиться в наличии изрядной толики консервативного скепсиса в политической программе раннего русского либерализма. Потенциальным опасностям демократического хаоса в России, как следствия использования в том числе выборных процедур в судопростройстве, либералы предпочитали активное вмешательство государства и сохранение верховного контроля над юридическими институтами. Они отстаивали необходимость рационально-утилитарного подхода к модернизации российского суда с целью обеспечения повсеместного распространения профессиональной компетенции при максимальной изоляции судебной системы от вредных социальных и политических влияний. Либералы уповали на силу просвещенной власти для защиты своеобразного «инкубатора правоведения», который они конструировали для укоренения основ правоприменительной практики в сложных рос-

сийских условиях.

То же самое можно сказать и о системе представительства в раннелиберальном дискурсе. На фоне оптимистических рассуждений о политических перспективах утверждения выборного начала вообще и в ведущих европейских странах в частности либералы жестко дозировали распространение представительства в России. Отечественные либеральные мыслители середины XIX столетия не только ограничивали его местными территориальными рамками, но и выступали за введение имущественного ценза для выборщиков и лишение женщин и детей статуса субъектов права. Они не сомневались в необходимости устранения бедности от участия в избирательном процессе, что вполне соответствовало духу и букве западного континентального либерализма первой половины века. Французским и ранним русским либерализмом выдвигалось немало причин политической неспособности неимущих представителей социума, начиная с недостатка времени для самообразования и заканчивая отсутствием у них социально значимой психологии собственника.

«Женщины и дети потому не причастны политической жизни, что они к этому естественно неспособны. Политическое право – не только право, но и обязанность гражданина относительно общества. Участие в политических делах есть своего рода должность; благосостояние целого союза зависит от хорошего его исполнения; а потому она может быть предоставлена только тем, которые способны употреблять свое право сообразно с целями общего блага», – рассуждал Чичерин [*Чичерин*, 1862в, с. 122]. Имущественное и гендерное равноправие в середине XIX в. не стало еще составной частью социально-политического арсенала в либеральном поле производства идей не только в самодержавной России, но и в «продвинутой» Европе. Важно отметить, что подобные требования ранние русские либералы могли рассматривать исключительно как революционные, тем самым, демонстрируя неделимость собственного мировоззренческого восприятия демократии и радикализма, их содержательную близость и даже совпадение. Однако теоретическое неприятие демократии отечественными либералами не выходило за рамки протеста против грядущего революционного коллапса в стране.

Одновременно в своей политической программе русские либеральные мыслители четко определили идею всемерного развития общественного мнения и публичной сферы в традиционно безликой консервативной национальной среде. Чичерин настаивал: «Нам нужно независимое общественное мнение, это едва ли не первая наша потребность, но общественное мнение умеренное, стойкое, с серьезным взглядом на вещи, с крепким закалом политической мысли, общественное мнение, которое могло бы служить Правительству и опорой в благих начинаниях, и благоразумной задержкой при ложном направлении. Вот чего у нас не достает, вон к чему мы должны стремиться» [Письмо Чичерина Герцену, 1901, с. 255]. Чичерин видел в развитии общественного мнения средство постепенного обновления условий существования политической системы России, важнейший инструмент цивилизованной борьбы с адептами ультраконсервативных рецептов построения внутренней политики государства. Он вполне осознавал угрозу национальному либеральному проекту «справа» и надеялся на публичное обсуждение любых проблем как форму диалога подготовленной профессиональной аудитории с властью, что и происходило в канун Великих реформ.

Но и в этом разделе политической программы раннего русского либерализма нетрудно разглядеть многочисленные ограничения, которые, по мнению ее авторов, призваны были максимально смягчить критические апелляции к правящему режиму, ограничить число участников дискуссий цензом умеренности, лояльности властям и готовностью следовать в фарватере просвещенного охранительного курса. Либералы открыто пропагандировали культ разумного либерального консерватизма при выборе средств для реализации преобразовательной политики в России, тем более что «либеральный консерватизм не был новостью на Руси – и причина понятна: с осмысленным и поясненным фактом современного политического быта России как будто становилось легче для совести подчиниться всем его требованиям и естественным последствиям» [*Анненков*, 1881, с. 251].

Неудивительно, что отечественные либеральные мыслители середины XIX столетия пытались создать идеальный национальный образ «истинного» либерала, соответствующий времени и специфике политической культуры самодержавного Российского государства. Неприемлемой для Кавелина и Чичерина являлась уже сама идея превращения либерализма в оппозиционную силу по отношению к правительству, способная лишь разрушить их мечту о просвещенной монархии в России. Они выражали искреннее недоумение по поводу распространения в придворных кругах еще с эпохи императора Александра I слухов о существовании некой либеральной партии, которая

могла быть действительно опасной для верховной власти. «На самом деле – и это совершенно достоверно – русская мысль, представляемая горстью просвещенных и порядочных людей, не может грозить ни русскому государю, ни даже невежественной русской бюрократии; когда правительство ее от себя отталкивает, как до сих пор было, она остается бессильною и глохнет в ничтожестве и бездействии; если же оно захочет ею воспользоваться, она всегда будет ему верной, надежной, истинно полезной союзницей», – писали Кавелин и Чичерин в своем знаменитом письме к А. И. Герцену [*Кавелин, Чичерин, 1997, с. 25*].

Размышляя о «настоящем» либерализме они имели в виду прежде всего свободу мысли, готовность внимательно выслушать другое мнение и учесть его в процессе социального и политического конструирования. Одновременно ранние русские либералы с нескрываемой тревогой обсуждали современную им либеральную среду, возмущаясь многим, что произносится от ее имени. В частности, их раздражали громкие заявления о свободе, гласности, слиянии с народом, лишенные серьезного внутреннего содержания, меры и границ, при этом абсолютно не соединенные с представлениями о правовых нормах, политическом и бюрократическом порядке и противодействии разгулу «казацкой» вольницы в российском обществе.

Экспертам хорошо известна версия Чичерина о существовании трех основных видов либерализма, на которую он опирался при создании национальной либеральной концепции. Первым и наиболее примитивным видом он считал уличный либерализм. «Низшую ступень занимает либерализм уличный. Это скорее извращение, нежели проявление свободы. Уличный либерал не хочет знать ничего, кроме собственного своеволия. Он, прежде всего, любит шум; ему нужно волнение для волнения», – утверждал Чичерин [*Чичерин, 1862б, с. 189*]. Он ставил его за грань самого понятия либерального в силу отсутствия какой-либо содержательной программы, кроме декларации о разрушении политического статус-кво и эпатажной саморекламы. Уличный либерализм, скорее всего, ассоциировался у Чичерина с «запасной скамейкой самовлюбленных радикалов», бездумно отвергавших любые попытки профессионального диалога.

Значительно более сложную теоретическую конструкцию являл собой оппозиционный либерализм, вызывавший у Чичерина желание вступить в концептуальную полемику с его представителями. С одной стороны, он признавал за кем бы то ни было право на решительную критику любого проявления нелиберального в той или иной общественной сфере, правда, с условием не подменять этим аналитическую работу по созданию собственной продуманной программы. С другой стороны, он являлся последовательным противником формулы «оппозиция ради самой себя», усматривая в ней исключительно тактические цели: остаться в поле видимости главных игроков в пространстве политических отношений. «Но не эту законную критику, вызванную тем или другим фактом, разумею мы под именем оппозиционного либерализма, а то либеральное направление, которое систематически становится в оппозицию, которое не ищет достижения каких-либо положительных требований, а наслаждается самим блеском оппозиционного положения» [Там же, с. 192–193]. Чичерин считал этот вид либерализма неприемлемым для конструктивной и содержательной работы настоящего либерала, так как сама оппозиционность закономерно диктовала жесткую дихотомию в оценке окружающей действительности и явное пренебрежение искусством общественного компромисса. По мнению Чичерина, сторонник оппозиционного либерализма навсегда остается заложником собственной заранее промаркированной аксиологической программы, разделенной на позитивные и негативные составляющие и формирующей исключительно биполярный мировоззренческий феномен. Чичерин обоснованно сомневался в практической целесообразности такого подхода в условиях политического развития России середины XIX столетия.

Одновременно он настаивал на бесполезности и даже губительности для общества идеи движения ради движения, которая была сформулирована лишь на основе теории без учета многочисленных национальных особенностей социума. Более того, Чичерин предупреждал, что одними призывами к свободе и разрушению всего старого оппозиционный либерализм рискует водворить анархию в стране с последующим торжеством самых реакционных политических сил. Поэтому и не удивляют его рассуждения о бесперспективности обращения к сугубо прогрессивным рецептам социального конструирования, не гарантирующим укоренение жизнеспособных организационных форм в обществе. «Но чисто прогрессивное направление неспособно к организации; за прелестью свободы, за беспокойством движения оно слишком часто забывает, что общество нуждается в твердых основах, в постоянных жизненных началах, за которые бы оно могло держаться, вокруг

которых оно могло бы укрепнуть», – убеждал Чичерин [Чичерин, 1862г, с. 150].

Таким образом, оппозиционный либерализм не рассматривался ранними русскими либералами в качестве политической силы, способствующей устойчивому развитию Российского государства. В очередной раз отечественные либералы продемонстрировали склонность к использованию консервативных методик политического регулирования процесса общественного обустройства, призвав на помощь креативный потенциал охранительной либеральной модели. Известно, что ее творцом являлся Чичерин, теоретически обосновавший базовые положения концепции «охранительного либерализма» в начале 1860-х гг. Определяя ее общие характеристики, он заявлял: «Если либеральное направление не хочет ограничиваться пустословием, если оно желает получить действительное влияние на общественные дела, оно должно искать иных начал, начал зиждущих, положительных; оно должно приравниваться к жизни, почерпать уроки из истории; оно должно действовать; понимая условия власти, не становясь к ней в систематически враждебное отношение, не предъявляя безрассудных требований, но сохраняя беспристрастную независимость, побуждая и задерживая, где нужно, и стараясь исследовать истину хладнокровным обсуждением вопроса. Это и есть либерализм охранительный» [Чичерин, 1862б, с. 196–197].

В отличие от двух остальных этот вид либерализма был ориентирован на рациональное отношение к внешним условиям, умеренность в оценке жизненных обстоятельств и принятии политических решений. Кроме того, охранительный либерализм предполагал содержательный диалог с властными структурами, потенциально наполненный компромиссными ожиданиями с обеих сторон, а также готовность к мобилизации совместных усилий, заранее отвергавшую любые радикальные планы. В этой связи следует отметить удивительно высокую для современного российского общества степень актуализации политического инструментария, предложенного ранними русскими либералами еще полтора века тому назад. Иногда может даже возникнуть впечатление, что перед нами текст вводной теоретической части программы одной из ныне существующих умеренных политических партий.

Определяя содержательную природу охранительного либерализма, Чичерин настаивал на примирении и соединении, казалось бы, двух противоположностей – свободы и власти. Все это он преобразовал в свою знаменитую формулу «либеральные меры и сильная власть», призванную стать едва ли не новой национальной идеей России в эпоху Великих реформ. Первая ее часть воплощала в себе реформаторские интенции ранних русских либералов, выступавших за широкие и кардинальные изменения в стране. В частности, Кавелин не сомневался в том, что обществу «совершенно необходимы личная и имущественная неприкосновенность, огражденная от произвола и насилия независимым, гласным судом уголовным и гражданским; необходим правильный государственный бюджет, публикуемый во всеобщее известие, и вообще правильное финансовое устройство; необходимо хорошее управление и полиция, действующие по закону, а не по произволу, и ответственные перед правильным, обыкновенным судом; необходимы умные, толковитые и приспособленные к потребностям страны уголовные и гражданские законы, расширение гласности, развитие народного просвещения в обширных размерах...» [Кавелин, 1898а, с. 137].

Подобная программа либерализации России являлась результатом теоретического осмысления и развития некоторых основных положений концепции «истинной монархии» и опыта осуществления государственного курса «просвещенного абсолютизма». Вместе с тем Кавелин и Чичерин, несмотря на разницу во взглядах, смогли выйти за границы предшествующих схем благодаря плодотворным попыткам их трансформации в функциональные проекты национального обновления. Например, екатерининская версия самоограничения власти, зафиксированная в ряде отечественных законодательных актов второй половины XVIII в., приобрела у ранних русских либералов формат путеводителя по конкретным и наиболее острым проблемам грядущего в России преобразовательного процесса, не минувшего, в частности, и судебной системы. Не следует забывать, что приведенные высказывания отцов-основателей российской либеральной традиции относились к начальному этапу Великих реформ и во многом предвосхитили их последующую реализацию.

Что касается второй части формулы Чичерина – о сильной власти, то она символизировала единственно возможное для России политическое условие осуществления всех надежд на успех реформаторских планов. Ставший в первой половине 1860-х гг. главной фигурой в раннелиберальной среде, Чичерин отводил центру важнейшую роль «просвещенного сторожа» в обществе с первыми и еще очень слабыми признаками надвигающейся модернизации. Поэтому в соответствии с

его логикой первоочередной задачей являлось сохранение результатов постепенного обновления общества, оберегавшее государственную целостность от радикальных разрывов и опасных попыток консервации статус-кво. Будучи безальтернативным субъектом политического процесса в России, самодержавный режим, преодолевая собственную инерцию и приобретая просвещенные черты, смог бы «узаконить» реформы и придать им необратимый статус.

Таким образом, Чичерин создавал своего рода идеальный рационалистический вариант политического транзита российского общества из «царства традиционной архаики» в пространство цивилизованного правового порядка. Он не сомневался в том, что этот путь, проложенный ведущими европейскими державами, сопряжен с наличием многочисленных национальных особенностей, без учета которых существует вполне определенный риск «свалиться» в пропасть хаоса и анархии. Из двух абсолютно неудачных сценариев развития событий в России – провала преобразовательного курса и социальной дезинтеграции общества – Чичерин предпочел бы первый. Более того, он единственный среди ранних русских либералов не только оценил все опасности безудержного политического прогрессизма, но и теоретически обосновал их в своей концепции «охранительного либерализма», за что и превратился в мишень для критических выступлений со стороны идейных союзников и противников. В частности, Чичерин предупреждал: «...власть должна быть сильнее там, где мало личной энергии, где скудно образование, соединяющее людей вокруг общих начал, где партии кидаются в крайности, где в обществе господствует раздражительность и нетерпимость, где бесплодное волнение заменяет практическую деятельность. Отсюда и то явление, что анархия всегда вызывает деспотизм. Отсюда, наконец, необходимость сильной власти в эпохи переходные, при коренных преобразованиях» [Чичерин, 1862г, с. 165].

В интерпретации Чичерина «охранительный либерализм» вышел за рамки умозрительных представлений об одной из либеральных версий. Автор превратил его в первую либеральную программу в истории отечественной общественной мысли с ярко выраженной политической доминантой. Именно институциональные особенности политического развития России в середине XIX столетия вкупе с гигантским инерционным социокультурным потенциалом провоцировали Чичерина на здравомыслие и гиперумеренность в определении маршрута перспективного исторического движения.

Начавшиеся Великие реформы стали для него идеальной практической моделью новой волны европеизации России, сулившей окончательное внутреннее перерождение господствовавшего в стране режима в современную представительную-монархическую систему. Чичерин высоко оценивал цивилизационную значимость этого процесса в России и опасался преждевременных «политических родов», которые бы неизбежно нарушили баланс между скоростью нововведений и социальной стабильностью в обществе.

Концепция «охранительного либерализма», несомненно, сделала Чичерина лидером в отечественном либеральном сегменте поля производства идей, что позволило ему в отсутствие реальной конкуренции со стороны других мыслителей претендовать на адекватную трактовку ценностей либерализма в национальном экспертном сообществе. Прежде всего никто другой не смог предложить теоретическую модель адаптации европейского либерального наследия в непростых условиях самодержавной России. Для воплощения проекта Чичерина на российской почве требовалось избежать любых отклонений от либерально-консервативного пути развития государства в краткосрочной перспективе. Поэтому еще одной важнейшей идеально-типической характеристикой политосферы раннего русского либерализма следует считать отторжение каких бы то ни было революционных практик. Речь идет именно о средствах, но не об идеях, потому что либералы не отрицали справедливости многих радикальных интенций, фиксируя болевые точки социальной динамики общества в целом. Например, Кавелин, опираясь на свой жизненный опыт, утверждал: «Да, я был большим либералом, бывши студентом, и через мою голову прошли самые крайние теории; будучи профессором, я тоже был большим либералом, хотя не таким именно, каким меня почитают. В политический либерализм я не вдавался, а был искренним, ревностным социалистом. Спешу прибавить, что в ошибочности социальных теорий я убедился теперь, но остаюсь и теперь убежденным, что эти теории правильно указывали на болезни обществ человеческих, и правительства, приступая к реформам, по необходимости, неизбежно, будут разрешать задачи, поставленные социализмом» [Кавелин, 1898в, с. 1177].

Левыми идеями «переболели» не только Кавелин, но и в разной степени Анненков и Боткин,

отдавшие дань западной интеллектуальной моде на жесткий политический нонконформизм. Они были знакомы с К. Марксом, часто путешествовали по Европе и бурно пережили революционные события во Франции 1848 г. Вообще многие западники 1840-х гг. попали под обаяние свежего социалистического веяния, о чем позже Анненков, известный биограф «замечательного десятилетия», вспоминал: «Совсем в другой форме явился перед ними новый “европейский социализм”. Начать с того, что он открывал блестящие перспективы во все стороны и развертывал перед глазами лучезарную, фантастически-освещенную даль, которой и границ не было видно. Как уже было сказано, европейские социальные теории изучались тогда очень прилежно, но из самих теорий этих получались только, более или менее хорошо связанные и размещенные, коллекции неожиданных, изумляющих и подавляющих афоризмов. Европейский социализм того времени не стоял еще на практической и научной почве, а только разрабатывал покамест нечто вроде “видений” из будущего строя общественной жизни, которую он сам рисовал по своему произволу» [Анненков, 1881, с. 128].

И все-таки революционный путь ранние русские либералы середины XIX столетия оценивали как нарушение естественного хода истории и последнее предупреждение обществу о грозящей ему смертельной опасности. Например, Чичерин убеждал своих союзников и оппонентов в социальной детерминированности радикального развития событий. В его версии ультраконсервативная политическая система рано или поздно вызывает к жизни революционный переворот в стране, который открывает широкую дорогу хаосу и анархическому беспределу. Следует отметить, что безвластие, пожалуй, более всего беспокоило не только Чичерина, но и всех ранних либералов, так как разрушение до основания системы политических институтов и коммуникаций в принципе не в состоянии породить оптимистический сценарий будущего любого общества, пережившего социальную катастрофу.

В политическом словаре отечественных либеральных мыслителей «анархия» занимала место далеко за границами терминологически выверенного тезауруса и выступала антонимом прогресса. «Где нет партии прогресса, там народ погружается в восточную неподвижность; но где нет охранительной партии, там общественный быт представляет только бессмысленный хаос, вечное брожение, анархию, немыслимую в разумном общежитии», – считал Чичерин [Чичерин, 1862г, с. 150]. Таким образом, в восприятии либералов революционная девиация кардинально переопределяла политическую реальность, обрекая социум на поиски новых жизненных сил для исторического возвращения. Причем наиболее вероятным результатом этого опасного общественного цикла являлось установление в стране жесткого диктаторского режима, который рассматривался либералами не менее трагично, чем итоги предшествующего разрушительного этапа развития.

Кроме того, даже при благоприятном раскладе диктатура потребовала бы колоссальных усилий со стороны носителей либеральной идеи по ее повторному просвещению, отодвинув любые желанные преобразовательные перспективы на неопределенный срок. В противном случае общество в очередной раз в соответствии с логикой либералов рисковало встретить «революционную зарю» на своем историческом пути. Правда, Чичерин не сомневался в способности социума вернуться на «исходные позиции» цивилизованного развития, но с непредсказуемыми временными, политическими и социокультурными потерями. Совершенно очевидно, что ранние русские либералы выбирали иной вариант развития для России, особенно в канун Великих реформ с их гипотетически привлекательными итогами реформаторских усилий власти.

Неприятие любого образа русской революции достаточно ясно прозвучало еще в известном «Письме к издателю» Кавелина и Чичерина. В нем отцы-основатели отечественного либерализма эмоционально возражали Герцену: «Сделать же из революции политическую доктрину, проповедовать мятеж и насилие, как единственное средство для достижения добра, сделать из ненависти благороднейшее чувство человека, поставить кровавую купель непременно условием возрождения, – это, воля ваша, оскорбляет и нравственное чувство, и убеждения, созданные наукой. Ваши революционные теории никогда не найдут у нас отзыва, и ваше кровавое знамя, развевающееся над ораторскою трибуною, возбуждает в нас лишь негодование и отвращение» [Кавелин, Чичерин, 1997, с. 29–30].

Вторую половину 1850-х гг. можно смело назвать временем окончательного разрыва раннего русского либерализма с теоретическими соблазнами политического радикализма, несмотря на то что либералы продолжали по-разному относиться к Герцену. Исследователям хорошо известна история письма Чичерина к Герцену, написанного после их личной встречи в 1858 г. в Лондоне во

время заграничной поездки Чичерина. Его резкое по содержанию и тональности послание вызвало протест со стороны Кавелина, поддержанный Анненковым и Бабстом. Однако в этой жизненной ситуации нельзя не заметить скорее сугубо личные мотивы разногласий в «либеральном семействе», чем какие-либо концептуальные противоречия между ее главными членами. Например, кроме давних близких отношений Герцена и Кавелина невозможно полностью исключить достаточно ревностное отношение последнего к успехам Чичерина в интеллектуальном состязании за утверждение авторитета и доминирование в либеральной среде. Тем более что именно в данный период обозначились контуры «народнической» и «охранительной» версии раннего русского либерализма, представленные, соответственно, Кавелиным и Чичериным. В конце концов, кто-то должен быть лидером в либеральном сообществе с правом говорить от его имени, особенно в полемических столкновениях с «левыми» и «правыми» оппонентами.

Кавелин, несмотря на некоторую склонность обращаться к противоположным мировоззренческим суждениям, отмеченную еще Грановским, в начале 1860-х гг. оказался на весьма умеренных позициях, близких к либерально-консервативной программе Чичерина. Поэтому с большой долей вероятности можно говорить о статуйровании Чичерина в качестве центральной фигуры в раннем русском либерализме, особенно в середине 1860-х гг., после окончательной доработки концепции «охранительного либерализма». Таким образом, за естественными нюансами раннелиберальной повседневной жизни не стоит видеть признаки назревавшего идейного раскола.

С началом Великих реформ в России никто из либералов даже не помышлял о революционных перспективах для страны. Каждый из них, без всякого сомнения, подписался бы под сказанными ранее словами Чичерина: «Революционный путь, кроме временных бедствий, как-то: междоусобных войн, кровопролитных восстаний, жестоких возмездий, анархического брожения страстей, насильственного подавления свободы, производит в народе и постоянный вред, который долго отзывается в его жизни. Он уничтожает в гражданах чувство законности и любви к своим учреждениям; он разрывает союз между правительством и народом, правительство начинает смотреть на народ, как на опасного врага, народ видит в правительстве не защитника, а притеснителя. С этим вместе исчезает в обществе уважение к чужим убеждениям, искажается в нем практический смысл, необходимый для управления государством; народ начинает предпочитать смело воздвигнутые теории зрелому практическому обсуждению вопросов...» [Чичерин, 1858а, с. 43].

Чичерин лучше, чем большинство его единомышленников, осознавал трагизм политического развития России, ту пропасть между «недопросвещенной» самодержавной властью и огромной массой нецивилизованного населения, «пропитанного» варварскими традициями векового рабства. Отечественное имперское государство являлось единственным национальным «полуевропейцем», обреченным выбирать либо жесткую политику сохранения статус-кво, либо сложный и непредсказуемый курс на внутреннее переустройство. И в этом длительном переходном состоянии даже самый привлекательный революционный призыв мог качнуть чашу весов русской истории в бездну социального апокалипсиса.

Не следует пренебрегать мнением Чичерина о невозможности утвердить свободу в обществе одним лишь желанием всех либерально мыслящих людей. Этого явно недостаточно, потому что «свобода имеет свои жизненные условия, независимые от воли, коренящиеся в народном духе, в общественном быту, в естественном составе государства, в состоянии сословий и партий, иногда даже в отношениях к соседям. Без этих условий всякая попытка водворить свободу ведет только к сильнейшему деспотизму» [Чичерин, 1861, с. 13]. Поэтому смелым и неординарным политическим решениям Чичерин предпочитал медленный и осторожный реформизм «сверху» в тесном союзе с самодержавной властью и исключительно ее усилиями.

В одной из своих программных работ он определил собственный идеал политического устройства, в соответствии с которым государственная власть «единая и верховная, воплощается в монархе, стоящем на вершине здания; свобода находит себе орган и гарантию в народном представительстве; высшая политическая способность получает самостоятельный вес в отдельном аристократическом собрании, и над всем царствует закон...» [Чичерин, 1899, с. 127]. Фактически речь идет о представительной монархии как наиболее близкой к совершенному образу правления, канонически воплотившемуся в Британии и пока еще недоступному для отечественной государственной системы. К середине 1860-х гг. мнение Чичерина разделяли все ранние русские либералы, еще здравствовавшие к тому времени и отказавшиеся от своей прошлой идейной принадлежности.

В целом же в политической программе российских либеральных мыслителей середины XIX столетия причудливо переплелись наивно-утопические рассуждения о добре и зле с рационально-утопическими методиками политической модернизации общества «сверху» в обозримой перспективе. Если слова Дружинина: «Я верю, что со временем люди переменятся и настанет время, когда не будет рабов и неимущих, когда перед каждым человеком будет открыта дорога всевозможного блага и усовершенствования. В исполнение этой утопии я верю твердо: заря ее уже занялась» [Дружинин, 1986, с. 150] – не нуждаются в специальной интерпретации, то политологические технологии Чичерина всегда были и остаются предметом разнообразных оценок в научном сообществе.

Однако и в его непростых теоретических конструкциях, обращенных в политическое будущее, есть место наивной мистике просвещенного изобретателя. Он не отрицал очевидных социальных выгод от учреждения представительной системы, которая способна породить твердые гарантии права, общественную самостоятельность, гласность и новые идеи. Более того, Чичерин считал, что это приведет к переходу государства на высшую ступень развития благодаря объединению усилий власти и общества. Одновременно он искусно моделировал метафизический универсальный образ конституционной монархии «а ля Британия», невзирая на потенциальные исторические перспективы иных типов политических режимов и желал усадить всех в уникальную «повозку времени».

Политические рецепты, выписанные ранними русскими либералами для России, содержали в себе как пророческие предсказания, так и просвещенческую дидактику с ее иммобилизмом и приверженностью идеальным формам. Политический прогрессизм отечественных либералов, в конечном счете, реализовался в концепции «охранительного либерализма». В ней движение страны вперед оговаривалось многочисленными условиями, программировавшими бесконфликтное развитие общества в неповторимой и стерильной политической среде. В частности, Чичерин настаивал на том, что в России «дело первостепенной важности – возникновение в обществе независимых сил, которые бы поставили себе задачей охранение порядка и противодействие безрассудным требованиям и анархическому брожению умов. Только энергия разумного и либерального консерватизма может спасти русское общество от бесконечного шатания» [Чичерин, 1862г, с. 162].

Вместе с тем идеально-типические схемы в политической программе раннего русского либерализма являлись не более чем теоретическими конструкциями, неизбежно вырванными из практического многообразия политосферы. Данная процедура характерна для работы над любой концепцией, заранее «обреченной» на универсалистские претензии и естественное «усреднение» конкретно-исторического материала. Поэтому отечественные либералы закономерно оказались заложниками собственного «политического инжиниринга» и сознательно выстраивали оптимальный, с их точки зрения, проект модернизации страны. Можно согласиться с тем, что «функции и ритуалы русских либералов как интеллектуального движения не отличались от функций и ритуалов аналогичных групп в западной, центральной и восточной Европе. Как их двойники в других европейских обществах, русские интеллектуалы конструировали национальную идентичность, структурировали и иерархизировали воображаемую общность...» [Narskii, 2010, p. 350].

Кроме того, творческая деятельность ранних русских либералов разворачивалась в неблагоприятных политических условиях, при отсутствии каких бы то ни было партийных институтов, демократических свобод, конкурентной борьбы между властью и оппозицией, столь необходимой всесословной представительной системы. В этой ситуации либералы могли лишь догадываться о «позитивных» и «негативных» последствиях политических преобразований в России, прозорливо опасаясь и угрозы стагнации, и итогов радикального реформаторства. В итоге отечественные либеральные мыслители середины XIX в. прогнозируемо сделали ставку на результаты Великих реформ, которые, с одной стороны, привлекали своими масштабными целями и сулили большие перемены в обществе, а с другой – гарантировали умеренность нового курса благодаря патронажу со стороны государства.

Библиографический список

- Narskij I. V. Intellectuals as missionaries: the liberal opposition in Russia and their notion of culture // Studies in East European Thought. 2010. Vol. 62, № 3–4.
 Анненков П. В. Воспоминания и критические очерки // Собр. ст. и заметок П. В. Анненкова. СПб., 1881. Отд. Третий.

- Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб., 2005.
- Грановский Т. Н. Полное собрание сочинений. СПб., 1905. Т. 2.
- Дружинин А. В. Повести. Дневник. М., 1986.
- Кавелин К. Д. Дворянство и освобождение крестьян // Собр. соч. СПб., 1898а. Т. 2.
- Кавелин К. Д. Записка об освобождении крестьян в России // Собр. соч. СПб., 1898б. Т. 2.
- Кавелин К. Д. Из дневника // Собр. соч. СПб., 1898в. Т. 2.
- Кавелин К. Д., Чичерин Б. Н. Письмо к издателю // Опыт русского либерализма: антология. М., 1997.
- Китаев В. А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов, 2004.
- Либерализм в России. М., 1996.
- Письмо Чичерина Герцену // Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1901. Кн. 15.
- Приленский В. И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. М., 1995. Ч. 1.
- Т. Н. Грановский к Фроловым. Москва, январь 1855 г. // Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2.
- Чичерин Б. Н. Восточный вопрос с русской точки зрения // Зап. князя С. П. Трубецкого. СПб., 1906.
- Чичерин Б. Н. Вступительная лекция по государственному праву, читанная в Московском университете 28-го октября 1861 года. М., 1961.
- Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1899.
- Чичерин Б. Н. О политической будущности Англии // Очерки Англии и Франции. М., 1858а.
- Чичерин Б. Н. О судебной реформе // Несколько совр. вопросов. М., 1862а.
- Чичерин Б. Н. Различные виды либерализма // Несколько совр. вопросов. М., 1862б.
- Чичерин Б. Н. Русское дворянство // Несколько совр. вопросов. М., 1862в.
- Чичерин Б. Н. Старая французская монархия и революция // Очерки Англии и Франции. М., 1858б.
- Чичерин Б. Н. Что такое охранительные начала? // Несколько совр. вопросов. М., 1862г.
- Шелохаев В. В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопр. истории. 2007. № 5.
- Шелохаев В. В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопр. истории. 1998. № 4.
- Шнейдер К. И. О некоторых «фобиях» современного отечественного «либераловедения»: начальная история русского либерализма как историографический «фантом» // Пути России: совр. интеллект. пространство: школы, направления, поколения. М., 2009. Т. 16.
- Шнейдер К. И. Ранний русский либерализм в отечественной и зарубежной историографии // Рос. история. 2010. № 4.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.07.2011